

своей и в безумьи сице смеряться, на бога укладаеть. Аз человек грешен есмь паче всех человек». ²¹

Но и противнику Мономаха князю Олегу Святославичу следовало бы «рещи Давыдское: Аз знаю грех мои предо мною есть...», послать «утешеную грамоту», а заодно и сноху «зане несть в ней ни зла, ни добра».

Мономах сознает, что, возможно, и он был не прав, пойдя на Олега войною. Он готов раскаяться в этом: «Оли то буду грех створил, оже на тя шед к Чернигову, поганых деяя, а того ся каю; да то языком братьи пожаловах и пакы е поведях, зане человек есмь». ²² Он человек, и в этом причина его непоследовательности. Он готов пойти на уступки «не от нужды», но потому, что «душа своя» ему дороже всего на свете. Как и в первой части, психологический конфликт снимается желанием добра «братьи и Русьской земли».

Итак, в рассмотренных отрывках налицо психологическая коллизия, вызвавшая у Мономаха потребность заглянуть в самого себя, разобраться в себе. Исследователями было подмечено, что христианская идеология не противоречила потребности к познанию «внутреннего человека», к изображению не только его поведения, но и самих побуждений к поступкам. ²³ Однако целью этих психологических экскурсов было не столько установление подлинных причин поступков, сколько того, как они соотносятся с нормативным идеалом христианства. Если этого совпадения не было, то конфликт разрешался посредством саморазоблачения и самоуничтожения перед богом, перед «миром» или исповедником. Совсем не то видим мы в рассмотренных частях «Поучения»: здесь конфликт не с богом, а с людьми, и прежде всего с самим собой. Мономах не кается, а недоумевает и скорбит, замечая, что противоречия заложены в самой человеческой природе.

Обратимся теперь к другим частям «Поучения» — собственно поучению и «путям», которые отрывают выписки из Псалтыри от письма, чем нарушается единство повествования не только в логическом, но и в психологическом плане. Совершенно очевидно, что с того времени, когда Мономах решил заглянуть для обретения душевного равновесия в Псалтырь, и до момента, когда он сел писать наставление, прошел немалый срок. Он сам пишет об этом: «И потом собрах словца си любая, и складох по ряду и написах». ²⁴ Собственно, Мономах принялся за литературный труд, имея в виду прежде всего преподавать своим детям уроки «доброто» поведения, исходя из общепринятого нормативного идеала и собственного жизненного опыта. Он был творческой и созидательной натурой, а не простым компилятором. В набросанную им картину «доброто» поведения неожиданно вторгся его собственный образ, сложный и противоречивый, вокруг которого и строится поучение. И здесь он продолжает анализировать свою деятельность, нравственные принципы, которыми он руководствуется. Обобщенное «видение» человека, человека из плоти и крови, такого же, как он сам, вызывает у Мономаха «потребность узнать», «что есть человек, яко помниши и?». ²⁵ Общие всем людям нравственные принципы он черпает в поучениях отцов церкви. Мономах не сторонник аскетизма с его отрешенностью от мира как средством нравственного исправления. Он считает возможным исправление нравственных

²¹ Там же, стлб. 253.

²² Там же, стлб. 254.

²³ В. П. Адрианова-Перетц. К вопросу об изображении «внутреннего человека...», стр. 15, 18 и др.

²⁴ ПСРЛ, т. I, стлб. 241.

²⁵ Там же, стлб. 244 (псалом 143, стих 3).